

Образование как духовный компонент личности Дмитрия Рудина (на материале романа И.С. Тургенева)

Петрова Татьяна Сергеевна

Студентка Череповецкого государственного университета, Череповец, Россия

Дмитрий Рудин, герой одноименного романа И.С. Тургенева, – фигура эпохальная, хотя в самом произведении практически нет (за исключением финала) упоминания каких-либо исторических событий, точных дат. «Эпохальность» Рудина заключается, прежде всего, в духовном строе личности героя и, при всей его уникальности, определенной мотивированности и предсказуемости поведения. Во многом это обусловлено образованием (в широком смысле), которое получил Рудин, и, следовательно, тем интеллектуально-духовным потенциалом, той внутренней культурой, которая стала основой его личности.

Первый важный этап образования Рудина – Московский университет. Мы не знаем, какой именно факультет заканчивал Рудин, но, скорее всего, философский или словесный. Ни сам герой, ни автор не рассказывают об этом периоде его жизни, но, учитывая, что примерное время учебы Рудина – 1830-е гг., и зная, кто преподавал в этот период, можно предположить, сколь сильным было университетское влияние. «Образование, вынесенное из университета, ценилось выше всякого другого. Москва гордилась своим университетом, – вспоминал И.А. Гончаров, учившийся там в 1830-е годы, – любила студентов, как будущих самых полезных, может быть, громких, блестящих деятелей общества» [Гончаров: 195]. Как известно, именно в профессорской среде в 1830–1840-е гг. формируется русский либерализм; и потому истоки либеральных взглядов Рудина, очевидно, связаны именно с Московским университетом. В монологах Рудина постоянно звучит мысль о том, что людям необходима вера в самих себя, в свои силы. Он убежден, что все великое совершается через людей. Рудин ратует за свободу, независимость человека. Он повторяет за Дон-Кихотом: «Свобода <...> одно из самых драгоценных достояний человека, и счастлив тот, кому небо даровало кусок хлеба, кому не нужно быть за него обязанным другому!» [Тургенев: 292].

Очевидно, не менее сильное влияние на Рудина оказало участие в студенческом кружке Покорского. Этот эпизод возникает в романе ретроспективно, в воспоминаниях университетского товарища Рудина Лежнева. Тургенев отражает и юношескую экзальтацию, и романтическую созерцательность, а главное – исключительную увлеченность философией. Споры, обмен мыслями, чтение становились прекрасной почвой для формирования личных убеждений молодых людей.

По окончании Московского университета Рудин отправляется в Европу для продолжения образования. Заграничный период жизни Рудина, по сравнению с московским, оказывается еще менее описанным, но не менее значимым. Его важность подчеркивает тот факт, что в романе упоминание о европейской жизни Рудина помещено значительно раньше (3 глава) воспоминаний Лежнева о Московском университете (5, 6 главы). Существенно также, что о пребывании за границей мы узнаем из уст самого главного героя. В 3 главе, после исполнения «Лесного царя» Шуберта Пандалевским, Рудин замечает: «Эта музыка и эта ночь напомнили мое студенческое время в Германии: наши сходки, наши серенады...» [Там же]. Музыкальное произведение неслучайно навеяло Рудину воспоминания о Германии; Шуберт, а особенно его баллада «Лесной царь», написанная на слова Гете, пользовались огромной популярностью среди молодых интеллектуалов. Рудин рассказывает, что провел год в Гейдельберге и около года в Берлине. Он не говорит о студенческой дружбе, преподавателях, о полученных знаниях, а переходит к общим рассуждениям о значении просвещения. Но, даже не зная подробностей пребывания Рудина в Германии, мы понимаем, что он испытал за границей влияние не только европейской философии, популярных в то время Э. Канта, И.Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, но и литературы: «...Рудин был весь погружен в германскую поэзию, в германский романтический и философский

мир...» [Там же, 249]. Герой, действительно, оказывается «погружен» в этот мир, мыслит его образами и понятиями. Рудин читает Наталье на немецком языке гетевского «Фауста», Гофмана, «Письма» Беттины, Новалиса. Эти писатели входили, как особо значительные и необходимые, в круг чтения образованного человека 1830–40-х годов. Для него, как отмечал Герцен в «Былом и думах», «знание Гете, особенно второй части “Фауста” <...> было столь же обязательно, как иметь платье» [Герцен: 20].

Если говорить о Рудине как о читателе, то здесь важен не столько интертекстуальный аспект, сколько идентификационный. Введение Тургеневым немецких авторов в качестве круга чтения главного героя позволяет провести параллели с ситуациями и персонажами названных им произведений. Так, попытки Рудина осуществить целый ряд утопических проектов напоминают деятельность Фауста во второй части драмы Гете, в которой представлены попытки служить человечеству и предложены проекты идеального общества. Рудин, как и Фауст, видит смысл жизни в труде для блага общества. В то же время круг чтения Рудина не ограничивается немецкой литературой. В разговорах он цитирует Сервантеса, Пушкина, Кольцова.

В целом Рудина можно назвать русским европейцем. Главным для этого типа людей является уважение к человеку, признание его личного достоинства, цивилизованность, творческая активность, вера в прогресс, толерантность. Провозглашенные «Всеобщей декларацией прав человека и гражданина» уважение к закону, собственности, труду были и рудинскими убеждениями. Он «сориентирован на культурные и нравственные ценности, выработанные Европой», – отмечает современный исследователь [Щукин: 36].

Символично, что и жизнь героя завершается в Европе: он умирает на парижских баррикадах в революцию 1848 г., становясь непосредственным участником европейской истории.

Литература

Гончаров И.А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1954. Т. 7.

Тургенев И.С. Полное собрание сочинений: В 12 т. М., 1980. Т. 5.

Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. М., 1956. Т. 9.

Щукин В.Г. Русское западничество: Генезис. Сущность. Историческая роль. Łódź, 2001.